

ВОПРОСЫ ИСТОРИИ РЕЛИГИИ В ТЕОЛОГИИ

УДК 27 (276)

НЕКОТОРЫЕ ОСОБЕННОСТИ РЕЛИГИОЗНОГО СИНКРЕТИЗМА (ДВОЕВЕРИЯ) РУССКОГО КРЕСТЬЯНСТВА XVI–XVII вв. В СОПОСТАВЛЕНИИ С ПРАВОСЛАВНЫМ СВЯТООТЕЧЕСКИМ УЧЕНИЕМ

Крупко Марат Андреевич

Белорусский государственный университет (г. Минск, Беларусь)

Текст доклада посвящён проблеме соотношения феномена народной веры русского крестьянства, описанного историком Н.И. Костомаровым, со святоотеческой православной традицией. В докладе приведены множественные противоречия как, например, реликты язычества, соединяющиеся с элементами христианства.

Целью доклада является анализ материала, собранного историком Н.И. Костомаровым, выявление особенностей мировосприятия русских крестьян периода раннего Нового Времени и оценка их со святоотеческих позиций.

Известно, что Церковь во многом формировала образ жизни человека и его мышление. При этом, феномен народной веры часто вытеснял христианские догматы, основанные на Священном Писании и Предании. Большую роль в сознании людей играли проявления язычества, сохраняющиеся до сих пор. Н. И. Костомаров отводит их описанию большое внимание, но при этом, не находит однозначного ответа, «соединялся ли с этими забавами какой-нибудь смысл для народа» [3, с. 272]. Феномен астрологии и веры в существование предопределения судьбы человека ещё при рождении также находил место в описанной Н. И. Костомаровым системе народных верований [3, с. 273]. В XVI веке ещё сохранялось и язычество в полном смысле этого понятия: в Водской Пятине селяне молились деревьям и камням, совершали жертвоприношения, при этом, формально называя себя христианами. В то же время, в Пермской земле также практиковалось идолопоклонство перед «золотой бабой», со своим ритуалом [3, с. 273-274]. В христианской богословской мысли подобные явления, всегда представлялось тяжким грехом. Василий Великий называет идолопоклонство верхом безумия [6, с. 94]. Ярким признаком языческого мироощущения является чувство страха и беспомощности перед природой, движущие силы которой, долгое время не могли быть объяснены. Такие природные явления, как затмение Солнца или пролёт кометы повергали людей в ужас [3, с. 274-275]. Разросшийся комплекс суеверий заставлял людей обращать внимание на такие обыденные явления как писк мышей, скрип дерева, шум травы, ржание лошади и множество других [2, с. 276]. Таким образом, весь окружающий мир в сознании человека мог предрешать его судьбу подобными «тайными знаменами». Впрочем, благочестивые люди старались суеверий всячески избегать, считая за грех [3, с. 290]. Христианское богословие все множество этих накопленных веками предрассуд-

ков относит к суевериям, которые действительно являются тяжкими прегрешениями. Святитель Василий Великий называет народ, предающийся суевериям, «отверженным» [6, с. 60].

В то же время, зафиксированы множественные переносы языческого понимания на христианскую почву. Наиболее ярко это проявилось в отношении к иконам, которые согласно христианскому учению, являются символом, возводящим к первообразу. Русский же человек зачастую верил в некую силу, которая содержалась в самой иконе, как материальном предмете [3, с. 293]. Недостаток осознания обращения через молитву к живому Богу, часто компенсировался верой лишь в механическое исполнение желаний молящегося: «Поэтому, если, например, русский был с кем-нибудь в ссоре или тяжбе, то боялся, чтоб соперник его не помолился этому образу и чтоб таким образом не получил успеха против него самого» [3, с. 293]. Феофан Затворник об этом пишет «...Некоторые иконы бывают чудотворными, потому что Богу так угодно... Сила тут не в иконах, и не в людях прибегающих, а в Божией милости...» [5, с. 224]. Порой, элементы язычества проникали и в сакральный литургический мир Церкви: на богослужение прихожане могли приносить яблоко с написанными на нём «именами лихорадок», гадать по просфоре [3, с. 283].

Базируясь на записях Н.И. Костомарова, можно выдвинуть предположение, что значительную роль в религиозном сознании русского человека играло именно чувство страха перед природой и нечистой силой, о чём исследователь пишет и уделяет этому большое внимание. С точки зрения святоотеческой традиции, панический страх перед бесами, есть явление нездоровое и не благочестивое. Человек, таким образом, сомневается в Божественном заступничестве, в силе Божьей. Святые отцы нас убеждают: «Диавола же не бойся; ибо, боясь Господа, ты будешь господствовать над диаволом, потому что в нем нет никакой силы» [1, с. 189-190]. Ангелы же, представлялись людям, напротив, всегдашними заступниками и помощниками. Их образ был значительно мифологизирован в народном сознании. Ангельский образ переносился на понятный человеку привычный быт. Василий Великий, выражая своё отношение к ангелам, говорит, что их помощь людям «есть некоторое побочное для них дело» [6, с. 214]. Фокусировка внимания именно на нечистой силе, отразилась и в восприятии ангелов: «Ангел-хранитель всегда стоит на страже вверенной ему души против действия злого духа, и потому к нему нужно поминутно обращаться» [3, с. 291]. При не вполне христианском отношении к пониманию иконы, описанном у Н.И. Костомарова, народ относился к образам с большим трепетом и уважением, что не позволяло применять к ним слова вроде «купить/продать», а только «менять». Это породило целый ритуал, который проходил в церковной лавке и описан у Н. И. Костомарова [3, с. 293-294]. Важным атрибутом принадлежности человека к православному веру был натальный крест, снимать который не дозволялось [3, с. 294]. Не дозволялось и переминаясь с ноги на ногу во время богослужения, уходить до его окончания [3, с. 295]. Впрочем, это не мешало вести пустые разговоры и смеяться прямо во время церковной службы [3, с. 300]. Поведенческим особенностям за богослужением Н. И. Костомаров отводит большое внимание, описывая непривычные нам сегодня явления и привычки [3, с. 295]. Обычным делом было пренебрежение Таинством Евхаристии (жизнь христиан всегда была ехва-

ристоцентрична) и утаивание русскими крестьянами грехов во время исповеди [3, с. 300], в чём Фёдор Студит видит опасность «сделаться неисцелимым» [2, с. 393]. Среди распространённых добродетелей простого народа, можно обратить внимание на благожелательное отношение к православному духовенству, осуждение которого не позволялась, и изобильную милостыню, создавшую такое явление, как побиравшиеся дворяне, ленящиеся работать. Всеобщее соблюдение постов было объединяющим фактором всего общества [3, с. 296-298].

Таким образом, особенность описанного слияния вер, по предположению некоторых исследователей ещё и в том, что сам термин «двоеверие», не точно описывает взгляд самого носителя народного мировоззрения. Для человека того времени разделение на две веры могло быть неочевидным. Тогда, взгляд на мир представлял собой единый и целостный (хоть, возможно, и противоречивый) комплекс самых разных верований. В таком случае, удачнее может быть термин «религиозный синкретизм» [4, с.13]. Но, до нынешнего дня, не выработано конечного ответа на эту проблему. Несмотря на то, что догматы христианской веры не допускают слияния в какой-либо мере с язычеством, заимствование отдельных элементов язычества существовало (и, к сожалению, существует) в народном сознании. Василий Великий, освещая эту проблему, призывает «забыть те дурные обычаи и отеческие учения».

Литература

1. Афонский патерик, или Жизнеописание святых, на Святой Афонской горе просиявших. – 3-е изд. – Ч. 1, 2. – СПб.: Типо-Литография И. Ефимова, 1897. – 558 с.
2. Добротолюбие. – 2-е изд. – Т. 4. – М.: Типолитограф. И. Ефимова, 1889. – 634 с.
3. Костомаров, Н. Очерк домашней жизни и нравов великорусского народа в XVI и XVII столетии / Н. Костомаров. – М.: Республика, 1992. – 303 с.
4. Левин, И. Двоеверие и народная религия в истории России Религии: Ранние формы / И. Левин. – М.: Индрик, 2004. – 214 с.
5. Собрание писем святителя Феофана. – Вып. 5. – М.: Афонский Русский Пантелеимонов монастырь, 1899. – 232 с.
6. Творения иже во святых отца нашего Василия Великого, архиепископа Кесарии Каппадокийской. – 4-е изд. – Ч. 2. ТСЛ, 1900. – 118 с.